

Все персонажи, место действия и события, кроме общеизвестных, вымышлены, любые возможные совпадения случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Он шел за ней по пятам от костела Святого Иоанна. Ну, не то чтобы по пятам, но дистанция неумолимо сокращалась, и Маруся затылком чувствовала его тяжелый взгляд, выдающий явно нехорошие намерения. Зачем?! Зачем она после работы потащилась в Старый город?! С какого перепугу ее туда понесло? Сидела бы сейчас дома, напившись чаю с конфетами, с вязанием под любимым оранжевым торшером. Так нет, прогуляться, видите ли, решила. Приключений на свою голову захотелось. И что теперь делать?

Она ускорила шаг, преследователь сделал то же самое. Очевидно, собирается напасть и дожидается удобного момента. Значит, надо не дать ему такого шанса! До дома минут двадцать ходьбы, впереди уже видна приметная вывеска ателье индпошива с двумя летучими мышами, растопырившими перепончатые крылья. За ателье нужно повер-

нуть направо, через два квартала — налево, пройти через парк... Черт, через парк! Темные аллеи, будь они неладны. Остается надеяться, что в парке сейчас еще кто-нибудь гуляет.

Маруся посмотрела по сторонам и обнаружила, что идет по совершенно пустынной узкой извилистой улице, ни одного горящего фонаря, даже окна домов не светятся. Спать, что ли, все легли? Время-то детское! В тишине слышны только шаги преследователя, ее собственные шаги и учащенный стук сердца, сжавшегося от страха. Она пошла еще быстрее, почти побежала. Бежать по брусчатке в босоножках на «платформе» было тяжело, в них и по асфальту не очень-то побегаешь. Улицу окутал густой туман, сквозь который с трудом пробивался мертвенно-бледный свет полной луны. Маруся ощутила прямо за спиной чужое прерывистое дыхание. Оглянуться не успела — ее схватили за шею, и железное кольцо начало сжиматься. Дышать стало трудно, вот уже и совсем невозможно... Она судорожно попыталась оторвать мертвенно-холодные руки от горла, чувствуя, как в легкие, вытесняя остатки воздуха, заползает туман... или дым? Глаза застлала темная пелена, едкий запах дыма заглушил все другие ощущения. Рванулась из последних сил — и провалилась в черноту...

* * *

Маруся вскинулась и села в постели, обливаясь холодным потом. За окном — непроглядная темень, часы показывают два часа ночи. Держась за горло, зашлась кашлем. Привидится же такой кошмар! Но что это? Похоже, запах дыма ей не приснился!

— Пожар! Горим! — истошно закричали в коридоре.

Она скатилась с тахты и, как была в пижамных коротких штанишках и маечке в бабочках, выскочила из своей комнаты. Дым валил с лестницы, где горели, судя по всему, деревянные ступеньки. По коридору с воплями и мокрыми тряпками носились, то и дело сталкиваясь друг с другом, соседки Маруси по коммунальной квартире — жена прапорщика Шведова Татьяна и супруга подполковника Савчука Ада Борисовна. Их мужья, Николай и Алексей Михалыч, заливали очаг возгорания водой.

— Что случилось? Пожарных вызвали? — спросила Маруся, вжимаясь в стену. Если б она этого не сделала, ее наверняка сбила бы с ног Татьяна Шведова, ошутимо превосходившая Марусю в росте и весе.

— Сами справимся, — буркнул Савчук, топоча мимо Маруси в обнимку с десятилитро-

вой кастрюлей, половину воды из которой он расплескал по дороге. — Уйми пока этих куриц, раскудахтались без толку! — Подполковник подбородком указал на испуганных женщин.

Из ванной доносился шум хлеставшей из крана воды. Еще одну наполненную водой емкость вслед за Михалычем поволок на лестницу Коля Шведов. По его короткому, но выразительному взгляду Маруся поняла, что ее штанишки в бабочках не остались незамеченными. Фыркнув, она помчалась в кладовку за тазиком, тряпкой и прочими подручными средствами пожаротушения...

Когда пожар потушили, лестница выглядела не лучшим образом: обугленные ступеньки и балясины, закопченные стены со следами потеков, не говоря уже о запахе. Обитатели квартиры, полуодетые, встрепанные, красные, мокрые и возбужденные, собрались на общей кухне. Разумеется, желающих взять на себя ответственность за происшествие не нашлось. Между тем было абсолютно очевидно, что причиной пожара стало ведро с тлеющим угольным брикетом, предназначенным для утреннего экспресс-растапливания плиты. Точнее, не само ведро, а то, что какая-то разиня поставила его вместо сложенных специально для этой

цели кирпичей прямо на деревянные ступени, которые в результате и загорелись.

Маруся занимала одну из комнат в трехкомнатной квартире на втором этаже старинного двухэтажного дома. В двух других комнатах жили Савчуки и Шведовы. Подполковнику Савчуку, которого недавно перевели из другого гарнизона с повышением на должность заместителя командира полка вообще-то полагалась отдельная квартира. Жилье ему выделили, но там шел ремонт, и Алексея Михалыча с супругой временно поселили хоть и в коммуналке, зато в хорошем месте недалеко от Старого города.

Еду жильцы дома готовили на плите, которую топили угольными брикетами. Таки-ми же брикетами топился и титан, нагревающий воду. Чтобы с утра быстрее растопить плиту, накануне вечером дежурный по квартире выгребал из топки тлеющий брикет в ведро, сверху присыпал золой, выносил ведро на лестницу и оставлял его на специально уложенных кирпичях. Утром печь загружали свежими брикетами, клали туда горящий запал и — опля! — через пятнадцать минут в топке разгорался огонь.

— Кто сегодня, вернее, вчера был дежурный? — хмуро спросил Савчук.

Маруся вспомнила школьные уроки английского, неизменно начинавшиеся с этого сакраментального вопроса, и хихикнула. Подполковник Савчук строго взглянул на нее.

— Я рад, что тут хоть кому-то весело! Так кто дежурный? Чистосердечное признание смягчает, так-сказать...

— Ну, я, — гулким басом отозвалась Татьяна Шведова. — Но я не ставила ведро на доски!

Приземистый и кругленький, как колобок, подполковник глянул на Шведову снизу вверх и погрозил ей пальцем.

— Опять нарушаешь правила советского общежития, Татьяна? Водятся за тобой грешки! В следующий раз ты весь дом спалишь! Придется, так-сказать, принять меры.

— Да не я это! — зычно возмутилась жена прапорщика. — Аде Борисовне вчера сервант привезли, пока заносили к вам в комнату, на лестнице и в коридоре натоптали и намусорили, она убиралась потом, вот, наверное, и переставила ведро с брикетом! А я весь вечер у себя в комнате просидела, Колю ждала, он со службы позже обычного вернулся...

Николай Шведов, переводивший взгляд с одной подозреваемой на другую, поежился, шмыгнул носом, подтянул полосатые «семейные» трусы и опустил глаза.

— Поклеп! — Благоверная подполковника запахнула на худосочной груди байковый халат и поджала тонкие губы. — Я не ставила ведро на ступени! А кое-кому давно пора научиться отвечать за свои поступки!

— Сама ты... — начала Татьяна, но в этот момент ее озарила, как ей показалось, догадка. — А может, это Мару...

— У меня алиби, — пресекла поползновения Шведовой Маруся, — я вчера допоздна была на репетиции. Двадцать восемь свидетелей — весь наш танцевальный ансамбль — могут это подтвердить.

— Вот видите! — Ада Борисовна потрогала бигуди и убедилась, что все на месте. — Она уже даже запаслась алиби и тремя десятками свидетелей!

— Тихо все! — скомандовал подполковник. — Видимо, кто-то из вас врет. Вопрос в том, кто?

— А я думаю, — снова встряла Маруся, — что и Татьяна, и Ада Борисовна говорят правду.

Обе соседки воззрились на нее с удивлением.

— Татьяна говорит, что не ставила ведро на голые доски, и это так, — начала излагать свою версию Маруся. — Ада Борисовна тоже утверждает, что не ставила ведро с брикетом на деревянные ступеньки и не переставляла

его с кирпичей в другое место. Это тоже правда, я, когда пришла домой, не видела его на ступенях. Кто же его тогда туда поставил? Тот, кто, вернувшись домой со службы, зашел на кухню попить водички, вспомнил о дежурстве своей супруги и о своем ей обещании вынести ведро с углями, выгреб золу и понес ведро на лестницу. Вот только по... рассеянности поставил его не на кирпичи, а прямо на ступеньки. Коля, ведь так дело было?

Участники разбора полетов, словно по команде повернули головы и посмотрели на побагровевшего прапорщика Шведова.

— Виноват, — пробурчал Николай, — уставший был, плохо соображал...

— Точнее, сильно нетрезвый, практически на рогах... — тихо, но отчетливо, чтобы услышали все заинтересованные лица, процедила Ада Борисовна. — Вон амбре какое, без противозаза не подступиться!

— А это залет, Коля, — в раздумье почесал затылок Савчук. — Пожар по пьяному делу — тут выговором не отделаешься... Или я что-то не так понял? — Подполковник посмотрел на съездившегося прапорщика.

— Я все исправлю! — засуетился Коля. — Сейчас сбегая к Сидорову, попрошу, чтоб он своих хлопцев из деревообрабатывающего

цеха организовал, мы до утра все починим!
Не губите! К подъему все будет как новое!

— И-и-и эх! — махнул рукой подполковник Савчук. — Ни на кого нельзя положиться! В смысле никому нельзя доверять, так-сказать, — быстро поправился он, покосившись на супругу. — У тебя, Шведов, четыре часа, время пошло... И не трепаться там!

— Не ты ты, Маруська, профессию выбрала, — заискивающе, будто и не пыталась десять минут назад обвинить Марусю в поджоге, сказала Татьяна Шведова. — Ну какая медицина? Тебе бы в следственных органах работать!.. Колька, чего застыл? Беги к Сидорову, падай ему в ноги! Шевелись, горе мое! Я с тобой позже разберусь!

Придавая мужу ускорение, Татьяна легонько ткнула его в плечо, отчего Николай сделал резкий рывок вперед, споткнулся о пустую кастрюлю и едва удержался на ногах. Кастрюля с грохотом покатила по коридору, подполковник Савчук поморщился, словно от зубной боли, и покачал головой.

— Я люблю свою работу! — пискнула Маруся вслед удаляющимся с поля боя супругам.

Вернувшись в свою комнату, она забралась с ногами в любимое кресло возле торшера. Уснуть после такой встряски вряд ли удастся.